

СОДЕРЖАНИЕ

Эпизод первый СОЗДАНИЕ ПРОТОТИПА

1	Выступление	11
2	Скорее ROM, чем RAM	24
3	Сын Соноры	37
4	Разлука	47
5	АДР	68

Эпизод второй РАЗРАБОТКА

1	Круглый стол программистов	93
2	Устроился в Origin — начало положено	115
3	Переход на PC	125
4	Удар молнии	148

Эпизод третий РЕЛИЗ

1	Стартап загружается... ..	173
2	Основание	207
3	Да будет DOOM	241

4 DOOM накрывает мир	291
5 Икона Греха	308
6 Разлом	331
7 Дрожь	356
8 Тряска	398
9 Последующие сотрясения	418

Эпизод четвертый ПОСТ-РЕЛИЗ

1 Дизайн мечты	461
2 Ion Storm	480
3 «Колумбайн»	524
4 На дне	529
5 Навстречу всему миру	542
6 Где трава зеленее	562
7 Благими намерениями вымощена дорога в ад	573
8 Blackroom	582
9 Возвращение Иконы Греха	599
<i>Эпилог</i>	616
<i>Благодарности</i>	619

Посвящаю эту книгу всем, кто когда-либо погружался в мир моих игр. Без вас ее бы не случилось. Спасибо, что позволили воплотить мечту детства и интересовались моим творчеством.

Хочется отдельно отметить и еще кое-кого: мою жену Бренду. Она — моя лучшая подруга и любовь всей моей жизни. Она опробовала каждый мой проект, она больше всех от меня фанатеет и поддерживает мою жажду творить и кодить. Эта книга — для нее.

ЭПИЗОД
ПЕРВЫЙ

**СОЗДАНИЕ
ПРОТОТИПА**

ВЫСТУПЛЕНИЕ

«Я ожидал совсем другого». Не раз слышал эту реплику после выступления. Много кто подходил пожать мне руку. Кто-то просил подписать коробку с игрой, другие рассказывали о своем геймплейном опыте *DOOM*, *Quake* или *Wolfenstein 3D*. Некоторые узнавали себя в моих речах, делились историями о том, как росли в схожих условиях. Они могли ограничиться всего парой предложений, ведь если наше детство имеет общие черты, все будет ясно с полуслова.

Я выступал на частном мероприятии, конференции одной игровой компании в восточной Канаде. Там собралось триста человек, и вместе они представляли весь спектр компьютерной разработки. Среди них были самые разные программисты, гейм-дизайнеры, левел-дизайнеры, художники и аниматоры, музыканты и аудиоинженеры. Кого-то я даже узнал, ведь мы успели познакомиться на других ивентах.

Помню, как в связи с этим выступлением ко мне впервые обратилась кадровая команда по проведению мероприятий. Сказали, что хотят услышать нечто новенькое:

— Людям многое известно о ваших играх. Не могли бы вы поговорить о чем-нибудь новом?

Запрос поставил меня в тупик. О чем еще говорить с игровыми разработчиками, если не о своих играх?

— Есть идея, — сказал представитель команды. — Попробуйте рассказать о себе, о своей истории. О том, что побудило вас создать все эти игры. Расскажите о своем прошлом. Нам кажется, людям это понравится, многих это может вдохновить, особенно наших джунов.

Своей истории? Личной истории? Прежде я не пересказывал историю своей жизни. Разумеется, о ней знают мои близкие. Знает моя жена Бренда, но даже нашим детям известно далеко не все. Я не знал, с чего и начать.

— Пожалуй, можно устроить, — ответил я.

— Восхитительно. Тогда до встречи в ноябре. Можете заранее прислать список материалов и требований, если таковые будут.

Прошла пара дней, на моем мониторе красовалась пустая презентация. Я напечатал на первом слайде лишь одну фразу: «Моя жизнь». Намечалось сорокапятиминутное выступление и пятнадцатиминутный сеанс ответов на вопросы. И слайдов требовалось куда больше. Что именно людей интересует в моей жизни?

Все, что побудило вас делать игры.

Все.

Я рассказал в презентации все, историю целиком — точнее то, что можно уместить в час времени.

Заверив и отрепетировав выступление, я отправил текст. После этого вылетел из ирландского города Голуэй, где я живу, в Канаду, чтобы выступить с речью.

Когда я дошел до слайдов, которые описывали участие моих родственников в наркоторговле, я посмотрел на лица собравшихся гостей и понял: очевидно, это совсем не та история, которую они ожидали услышать. Двух двоюродных братьев убили. Двое дядей возили наркотики по поручению известного картеля. Отец и его брат умерли, находясь в зависимости от кучи веществ: от кокаина до алкоголя. Остальные из того поколения все же успели взять себя в руки, чтобы не умереть по схожим причинам.

Каким-то чудесным образом избежать всего этого умудрилась только моя невероятная тетушка Йоли.

Я стоял за кафедрой на сцене и видел, как люди в шоке разевают рты. На слове «убили» несколько человек шумно ахнуло. Возможно, они ожидали чего-нибудь иного — какую-нибудь историю про умного парнишку из семьи среднего класса, выросшего в 1970-1980-е годы в уравновешенной семье с кучей игрушек вроде *Electronic Football* или *Simon* от Mattel, из которых он черпал вдохновение. Моя реальность оказалась совсем иной, но я все равно ее любил. Другой я не знал, а случившееся научило меня чувствовать благодарность за все хорошее, что меня окружало. И хорошего было много.

Выступление началось с пересказа событий 1972 года. Тогда я был задиристым пятилеткой, похожим на маленького чертенка, — с темными, волнистыми и непослушными волосами — и уже носил те самые очки с толстыми линзами, а мои кошмарные зубы росли во все стороны и налезали один на другой. Мы жили в домике на улице Саут-Орегон-драйв в бедном районе аризонского города Тусон. Моим молодым родителям Альфонсо и Джинни Ромеро было всего по двадцать два года. Отец — темноволосый и кареглазый парень ростом 172 сантиметра и кожей тона сепии. Рост у мамы примерно такой же, тоже кареглазая — со светлой кожей и белокурыми волосами, которые она закалывала в пучок на макушке. Мама воспитывала меня и моего трехлетнего брата Ральфа, а в перерывах пыталась заработать немного денег пошивом вещей для близких и не очень людей. Отец вкалывал в медных копиях округа Пима — они окружали Тусон. Как и всякой паре, энергии, любви, смешных событий, а также всплесков ярости им хватало с головой. В доме всегда стояло пиво.

— Сейчас моя семья славится программированием и дизайном, — сказал я присутствующим в зале,

с гордостью упомянув, что мой сын и двое неродных детей также занимаются разработкой игр, — но раньше она крайне успешно занималась торговлей наркотиками и распитием алкоголя в больших количествах.

Я рассмеялся, и несколько человек засмеялись вслед за мной.

Папа вырос в одном из районов Южного Тусона, в доме близ свалки, которой владел его отец Альфредо. Дом бабушки и дедушки всегда казался мне родным.

— СЕЙЧАС МОЯ
СЕМЬЯ СЛАВИТСЯ
ПРОГРАММИРОВАНИЕМ
И ДИЗАЙНОМ, — СКАЗАЛ
Я ПРИСУТСТВУЮЩИМ
В ЗАЛЕ, НО РАНЬШЕ
ОНА КРАЙНЕ УСПЕШНО
ЗАНИМАЛАСЬ ТОРГОВЛЕЙ
НАРКОТИКАМИ
И РАСПИТИЕМ АЛКОГОЛЯ
В БОЛЬШИХ КОЛИЧЕСТВАХ.

Стоило зайти внутрь, и первым делом в ноздри ударял запах бабулиной еды. Заботливость Сокорро (мы звали ее Соки) не знала пределов: она обнимала всех и кормила, постоянно готовила тортильи из муки, по-сонорски. Я обожал ее еду, особенно полные тарелки фрихолес, хрустящие тако, а также испанский рис с помидорами, горохом, морковью, зеленым луком, кориандром, да и всем остальным, что она туда добавляла. Еда — важнейший элемент мексиканской культуры, и никто не готовит ее лучше мексиканской бабушки.

Когда в 2007 году бабуля умерла, ее дети и внуки начали спонтанно меняться ее рецептами, которые собирались на протяжении многих лет. Моя кухня подшила их в единую книгу, которой теперь пользуется вся семья. Ее ценит каждый. Кто бы ни пришел в дом моей бабушки, его накормят — таково было ее приветствие и проявление любви.

Каждый мой визит к ней проходил одинаково.

«Hola, mijo»*, — говорила она, прежде чем развернуться и сходить на кухню за тарелкой. Я садился за стол и передо мной появлялась еда. Я до сих пор готовлю на бабушкиной комали — плоской, чугунной сковороде, которую дедушка сделал ей из крышки железной бочки. В доме дедушки с бабушкой постоянно царил домашний уют, а на заднем дворе часто проводились гулянки, которые заканчивались глубоко за полночь. Отец, тетушки, дяди, а также их друзья выпивали, пели и отлично проводили время. Моя двоюродная родня поддерживала это веселье, спонтанные, хаотичные посиделки, на которых все постоянно куда-то бегали. Нас окружали любовь, музыка, еда и очень много пива. Все говорили по-испански, кроме детей. В семидесятых родителям хотелось, чтобы их чада влились в социум и ассимилировались, поэтому испанскому нас не учили. Они тешили себя напрасной надеждой, что мы сможем избежать пережитого ими расизма, в результате чего страдала наша общая культура.

Помимо того, что я мексикано-американец, по отцу я представитель народа яки, а по матери — потомок чироки. В самом конце Саут-Орегон-драйв в глинобитной хижине жила семья, рядом с домом стоял вигвам. Вместо двери у них висела тряпка, а полы были земляными. Я учился с мальчиком из этой хижины. Иногда мы вместе играли. Такого дома я не видел больше ни у кого — особенно с вигвамом (много лет спустя я узнал, что такими пользовались индейцы великих равнин, а не яки). Когда я спросил родителей про дом своего друга, они сказали, что мы с ним одного поля ягоды, пускай наши дома и не одинаковы.

Семья моей матери, напротив, жила в пригороде Гленхезер на востоке Тусона — на Восточной 17-й улице. Стоя у забора во дворе, я мог разглядеть новенькую школу

* «Здравствуй, дорогой» (исп.). — *Прим. пер.*

с большим полем. Городок был аккуратно заасфальтирован и красиво засажен в отличие от грязных переулков и случайных кактусов возле нашего дома. Родители моей мамы, Джон и Энн Маршалы, знали только английский язык. Бабушка была маленького роста с волосами пепельно-каштанового цвета и носила, в основном, одежду из полиэстера. Дедушка Джон, в честь которого меня назвали, напротив, высокий, примерно 182 сантиметра ростом, кожа слегка загорелая, а волосы седые. Он любил телевикторины и постоянно ругал игроков из телевизора. Участники не белые? Поберегись, грядет лавина из расистских оскорблений и нападок. В детстве я ничего не понимал, все это казалось мне уморительным. Смеялся он — хохотал и я. Он не знал этих людей, но выдавал забористые тирады со словами, которые, как я точно понимал, мне произносить запрещено. И хотя мама всегда говорила, что дедушка Джон — потомок чероки, я уже гораздо позже осознал, что его поведение совершенно нелепо: этот злобный ксенофоб ненавидел всех «цветных», хотя и сам был именно таким.

Когда дедушка не кричал на телевизор, в доме маминых родителей царил весьма мирная атмосфера. Бабушка читала, а дедушка рисовал. Мама часто привозила меня к ним, когда спешила по делам. Так бывало и когда папа снова куда-то пропадал, то есть довольно часто. Отец пил пиво, сколько я себя помню. Не знаю, чем он занимался во время работы в медных копях, но на поверхности всегда появлялся с банкой или бутылкой в руке и с сигаретой в зубах. Они сопровождали его, когда папа вылезал из пикапа по приезде домой, и не исчезали во время общения отца с друзьями, что порой заглядывали к нам. Когда папа ремонтировал двигатели, холодная выпивка стояла рядом с ним на автомобильном крыле. Если он уезжал на гонки, то возвращался всегда с двумя бутылками пива, по одной в каждой руке. Иногда отец возил нас в сонорскую пустыню за мескитовым деревом,

из которого потом рубились дрова для приготовления жареного мяса на гриле. Одну бутылку пенного в поездке он сжимал ногами, а все остальные лежали в переносном холодильнике на заднем сиденье. Папа умел развеселить любую компанию, мне до сих пор об этом рассказывают. Каждый хотел завести с ним дружбу, никто не мог устоять перед его заразительным смехом и приветливым нравом. Отец был марьячи с прекрасным голосом и некоторое время выступал в составе Mariachi Cobre. Ему нравилось петь *Cucurrucucú Paloma* и *Malagueña Salerosa*.

Прежде чем продолжить рассказ, предупрежу вас кое о чем: я собираюсь описывать домашнее насилие, так что вас ждет непростое чтение.

Если отец оставался без выпивки, случалось страшное: он начинал злиться и заводиться с пол-оборота — все могло измениться за долю секунды. Нам не хотелось его провоцировать, поэтому мы ходили практически на цыпочках. Если же папа находил что выпить, то он мог как стать любящим и добрым родителем, так и превратиться в чудовище. Был один случай: мучимый голодом отец вернулся домой под утро и начал искать еду. Ночь он провел за посиделками в барах. Папа ворвался в спальню, пока мама еще спала. Он схватил ее за волосы, выдернул из постели и потащил по коридору, как плюшевую игрушку. Мать звала его по имени и умоляла остановиться. Я сидел перед телевизором, по которому показывали субботние мультики: меня словно парализовало, и я не знал, что делать. Не помню, чем все кончилось, но мне до сих пор больно об этом думать. Сил моего отца хватало бы на десятерых. Он зарабатывал на жизнь, не раздалбливая камни, а попросту стирая их в порошок. В копиях отец бился с землей и выходил победителем.

Битье продолжалось и на поверхности. Иногда он поколачивал маму. Порой меня или Ральфа. Когда начинались побои, мне казалось, что я их заслужил, ведь за

мной всегда числился какой-нибудь проступок. Я редко понимал, какой именно, но не то чтобы это было важно. Чаще всего я просто оказывался в неудачном месте в неудачный момент.

Временами он бил кого-нибудь постороннего.

В моей семье часто вспоминают историю про авто-стопщика, попытавшегося ограбить папу. Все закончилось ударом разводным ключом и брошенным на пустынной обочине телом — где-то между Финиксом и Тусоном. Куда реже всплывает история про то, как папа с братьями решили подраться с копами в баре. Отец частенько размахивал кулаками в питейных заведениях, но, подозреваю, что в тот раз все закончилось арестом. Он мог разозлиться из-за чего угодно, даже когда пива было вдоволь. Отец не боялся действовать. Если он замечал хоть намек на драку, то моментально ее начинал. Многие из этих деталей я, по очевидным причинам, во время выступления в Канаде не озвучивал.

— Денег у нас было немного, — продолжал я, — так что мы выживали как могли.

Мама обменивала продуктовые талоны на оптовые партии риса, муки и сухого молока. Порой нас кормила бабушка Соки. В иных случаях отцу приходилось придумывать что-нибудь самому.

— Мама рассказывала, как папа однажды украл из магазина подгузники, наставив на кассира пистолет, — рассказывал я присутствовавшим.

Все хохотали. Странным образом это и правда было смешно — отец пошел на уголовное преступление ради подгузников, и это я молчу о схожести с одной из сцен фильма «Воспитание Аризоны». Мама, конечно, обо всем этом и не догадывалась. Она узнала лишь несколько лет спустя, когда решила забежать в этот магазин. Кассир заметил папу, и родителям пришлось в спешке уносить ноги.